

Комсомольский бунт

«Туши свет! Поджигай универмаг!»

Стреляли по толпе. Под градом пуль падали парни, девушки, дети. Какую цену пришлось заплатить за строительство Казахстанской Магнитки, до сих пор не известно. И по сей день не обнародованы достоверные сведения о тех, кто был убит и ранен во время комсомольского бунта в Темиртау. Приводится лишь более-менее точная сумма ущерба, которую насчитали после погромов 1959 года. Она составила свыше двух миллионов рублей... В нашем же материале речь пойдет о людях, попавших в водоворот истории. Поверив партии, матери отпустили своих детей на комсомольский подвиг, а те, едва добравшись до места, погибли или, оказались втянутыми в грабежи и угодили за решетку.

«Новый Вестник» продолжает вспоминать громкие уголовные дела прошлого. И сегодня речь пойдет о страшных страницах всесоюзной стройки в Темиртау. В пятидесятые годы туда приезжали со всех уголков страны вчерашние школьники. Молодые люди спешили в Казахстан за романтикой, готовили карманы для хороших заработков. Однако их ждало разочарование. На месте не было создано элементарных условий. Кормили плохо, рабочие неделями не мылись, не хватало даже питьевой воды, не было нормального жилья – прибывающих селили в брезентовых палатках, которые протекали во время дождей. Мало того, вербовщики перевыполняли план – в результате в Темиртау образовался переизбыток рабочей силы – многие приехавшие остались не у дел. Праздно шатающаяся, озлобленная молодежь, находила выход своей энергии в постоянных разборках друг с другом. — Весной 1958 года Казахстанская Магнитка была объявлена Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, — рассказывает старший научный сотрудник краеведческого музея Темиртау Татьяна Хмелева. – Более 20 тысяч молодых людей прибыли в Темиртау к весне 1959 года. Жилья всем не хватало. Около 3 000 строителей были размещены в палаточном городке. Что скрывать, далеко не все из них соответствовали образу комсомольца. В палаточном городке практически каждый день происходили массовые драки. Причем, это были не какие-то локальные недоразумения. Биться выходили стенка на стенку. Один район шел против другого. Штат местной милиции был небольшой, а руководство треста КМС и города обращения строителей практически игнорировало. А главное, лето близилось к концу, ситуация с жильём не менялась, в работе были простои, питание, водоснабжение не налажены. Естественным недовольством комсомольцев воспользовались преступные элементы.

Все за квасом!

По одной из версий, погромы начались после того как группа активистов отправилась к начальству с требованиями наладить быт рабочих. Однако вместо того чтобы разобраться, молодых людей обвинили в хулиганстве и задержали. Есть также свидетельства о том, что арестованные были вовсе не рadeющими за общее благо активистами, а теми, кто вечером 1 августа громил столовую. Почему все началось со столовой? Елизавета Тридгардт, которая видела бунт своими глазами, объясняла это конфликтом между «палаточниками» и болгарами, которых поселили в теплых общежитиях. Когда утром 1 августа люди из палаток пришли на завтрак, их не сразу пустили, сославшись на то, что болгары еще не поели. Бесчинства в столовой учинили, однако, не утром, а ближе к вечеру. «Проводил девушку с танцев. Возвращался в полночь в палатку. В это время ребята громилы столовую, киоски. После погрома парень Ваня из нашей палатки, такой стильный, принес детские игрушки, мыло, одеколон, папиросы «Казбек». Легли спать после двух часов», — рассказывал позже на процессе подсудимый Виктор Паришкара. «В воскресенье (2 августа) в шесть утра, когда я подошел к столовой, увидел, что она разгромлена. Здесь были сотрудники милиции, и ребята в их присутствии набирали в миски и кружки квас из цистерны, перевернутой вверх колесами, — добавлял свидетель Степан Перец.

Владимир Тимофеев из Якутии

Ржавая вода

Вечером того же дня толпа устроила погром в здании милицейского участка. Подсудимый Василий Калиниченко, который приехал в Темиртау всего за пару дней до погромов, рассказывал на суде, что был очень удивлен нравами, которые царили на Казахстанской Магнитке. Он описывал, что в воскресенье, искупавшись в озере, валялся на своей койке: «Вдруг к нам зашел парень и говорит, чтобы в семь часов вчера все вышли из палатки. Нужно, мол, выручить двоих ребят. Я спросил, а что будет, если кто-то не пойдет. Он мне объяснил, что насильно

Разбитая цистерна

выгонят и побьют. В восьмом часу мы услышали шум и крик. Все выбежали на улицу и увидели, что ребята катят бочку, из которой выливалась красная вода. Они остановили машину, погрузили бочку и поехали к тресту. Там кто-то выступал. Ребята требовали освободить задержанных». Мутная ржавая вода, которую привезли в палаточный городок как питьевую, еще больше разозлила комсомольцев. Люди хотели напоить красной жидкостью какого-нибудь начальника. Но не вышло. Ходили слухи, что все руководство сбежало в Караганду. «К вечеру улицы, прилегающие к помещению городского отдела милиции, были заполнены возмущенными толпами народа. Мы на автомашине не смогли подъехать к зданию милиции, — рассказывал Степан Перец. В тот день он возвращался на автобусе с милиционерами от живущих в Тихоновке родственников. — Здание было окружено вооруженными солдатами, которые сдерживали толпу, требовавшую освободить граждан, задержанных за разграбление столовой. Кричали: «Освободите наших. Иначе разгромим вас!». Из толпы в солдат летели кучи камней. Солдаты открыли стрельбу холостыми патронами. Но под градом камней вынуждены были укрыться в помещении милиции. Толпа камнями побила все окна милиции и соседних зданий».

Анатолий Даншин, работавший тогда машинистом котла ТЭЦ, вспоминает, что, заслышав крики «Ура!», пошел на площадь из любопытства: — Двухэтажный барак заводоуправления Кармета был окружен толпой людей, — рассказывает ветеран-энергетик. — Большая часть стояла и просто смотрела. Из разбитых окон летели стулья, какая-то бумага. На траве сидели солдаты с винтовками. Нападавшие хотели отобрать у них оружие. Но солдаты объяснили им, что за потерю оружия им придется отвечать. Солдаты согласились сидеть в сторонке и не вмешиваться. Подъехал легковой ГАЗ, в нем был перепуганный милиционер. Его закинули на брезентовую крышу ГАЗи-ка. Он стал объяснять, что задержанных в здании милиции нет, их увезли в Караганду, а сам он прислан руководством с предложением прекратить беспорядки и к семи часам прийти в клуб имени Островского на переговоры. После этого все само собой затихло, все разошлись.

Пожар

Возле здания милиции бунтовщиков удалось успокоить. Главные баталии развернулись позже — у трехэтажного универмага. «В воскресенье утром к нам пришел начальник отдела рабочего снабжения, приказал прекратить продажу вина, — рассказывала на суде продавец Анна Карпич. -Мы продали то, что стояло на витрине и больше не продавали. Многие парни продолжали требовать вино. Некоторые нам грозили, что если мы не хотим продавать, они заберут бесплатно. Но это они только так говорили. Весь день мы торговали, все было в порядке. В восемь вечера я зарыла магазин и пошла домой». На собрании в клубе Островского руководство стройки не стало договариваться с протестующими: в это время в Темиртау уже начали прибывать войска. После неудачной встречи с начальством митингующие сожгли уже разоренную столовую. Когда костер догорел, направились к магазину.

Центральный универмаг №1 Казахстанской Магнитки

Врагу не сдается

«После 12 ночи из-за угла на магазин бросилась толпа с криками «Ура!» — давал показания сторож универмага. — Несколько человек окружили меня, силой вырвали ружье, оттолкнули от магазина. Дверь открыть не могли, лезли через выбитые окна. Вылезали с товарами и скриками «Скорей! Скорей!», «Погоди! Дай я залезу! Ты уже набрал!» убегали. Минут через 20 приехали солдаты». Магазин окружили, перекрыв погромщикам путь к бегству. Однако выбить грабителей из универмага не могли до утра. Услышав требование выходить с поднятыми руками, те дружно запели: «Врагу не сдается наш гордый «Варяг!» и принялись кидать из всех окон что попадалось под руку — весы, манекены, мебель, консервы, бутылки. «В связи с тем, что погромщики оказывали сопротивление, на протяжении нескольких часов не сдавались и продолжали погром магазина, к ним было применено оружие. В результате был убит Бескоровайных Виктор Дмитриевич 1938 года рождения», — говорилось в обвинительном заключении. ...Сверху в солдат летели продукты, а из толпы — камни и палки. Молодежь окружила автоматчиков, пытаясь освободить из магазина рабочих. «Когда совсем прижали, стали стрелять боевыми, — рассказывал суду Степан Перец. — Появились раненные. Толпа стала прятаться за здание. ...Слышались крики: «Туши свет! Поджигай универмаг!» Тут же кто-то из толпы стал бросать железную арматуру на электрические провода. В результате чего те загорелись и таким образом был потушен свет. Некоторые прямо с боков автомашины в бутылки набирали бензин и куда-то убегали... Когда открыли огонь, кто-то стал призывать народ на автомашины ехать отбирать ружья у сторожей и из них стрелять в солдат. Здесь же загрузили две автомашины и куда-то уехали».

Убили пацана!

— Улицу перегородили военные машины с включенными фарами, поэтому на перекрестке было светло, — вспоминает Анатолий Даншин. — Напротив солдат — народ. Слышу крики: «Надо ребят выручать!» - «А как?» — «Пустить машину на них!» Был в то время «МАЗ 205» с зубром на боках. Он ревет как зверь, а движется медленно. Этот МАЗ подъехал и прямо напротив меня встал. Водитель говорит: «Прыгайте в кузов». Ребята не спешат: «Они автоматами нас снимут». — «Ну тогда за машиной бегите». — «По ногам будут бить». Тут кто-то говорит: «А ты пусти на них машину». Водитель согласился, включил двигатель и пошел. Фанерную дверку приоткрыл и выглядывает. Солдаты по ней и начали стрелять. Водитель выпал, потянул за собой руль и в сторону уехал, меня загородил от пуль. Тут я спрятался за забором. Где-то в толпе люди подхватили раненую девушку, понесли ее к солдатам. Через рупор офицер приказал: «Не приближаться! Стрелять будем!» Тут слышу крики: «Убили пацана!» Я подумал, что погиб соседский ребенок, который увязался за мной. Кинулся в толпу. Но там был другой мальчик, лет десяти в одних трусах да майке. Пуля прошла навывлет через плечо. Он сидел, глазенками хлопал. Его отнесли к баррикаде, где стояла машина скорой помощи. Ее дверцы были открыты. Заглянув внутрь, я увидел подошвы чьих-то ног. Там лежал труп. Еще до рассвета погромщики сдались. Из 29 задержанных под суд отдали пятерых молодых людей — плотника Владимира Тимофеева по прозвищу Якут, партийного бетонщика Григория Павлицкого, разнорабочего Анатолия Чернявского, Василия Калиниченко и несовершеннолетнего одессита Виктора Паришкуру. Следователи пришли к выводу, что эта пятерка вела себя наиболее вызывающе. Все они «кушали колбасу, пили вино, закусывая шоколадом», швыряли консервы из окон. Якут несколько раз пытался разбить лампочку, чтобы солдаты не видели, куда стрелять. При задержании на Павлицком был костюм, галстук и женский жакет, на Паришкуре — двое брюк и мужская сорочка. На процессе все подсудимые утверждали, что не планировали грабить, кто-то возвращался с танцев, кто-то — с вечернего киносеанса, по дороге они увидели толпу ребят и залезли в универмаг просто за компанию. Калиниченко вообще утверждал, что его силой затащили в разбитое окно, избили. И он в страхе всю ночь просидел в коробке из-под сигарет. Всем дали от двух до шести лет, которые потом значительно смягчили, а двоим вообще заменили на уловное наказание.

Гастрономический отдел универмага

Погром продолжился

Самый интересный эпизод бунта — это, пожалуй, повторное разграбление универмага. После того как осажденные парни сдались, магазин оставили совершенно без охраны. «В понедельник в два часа дня я с девушкой Наташей гулял, мы пошли к универмагу: там народ продолжал грабить, — свидетельствовал Степан Перец. — И ни солдат, ни сотрудников милиции не было. Тащили все, что было. Но большинство ребят тащили вино. Было очень много пьяных». — Власти сознательно отдали магазин на разграбление! — считает Анатолий Даншин. — Я лично ходил, смотрел днем: его в открытую растаскивали все, кому не лень. После этого одна моя знакомая целый год продавала оттуда шубы и часы. Работники ОРСа, снабженцы, много чего тогда списали на грабежи. Но, конечно, и народ поживился. Прямо из окна выкидывали ткани в кузов самосвала и возили потом по дворам — раздавали. И тогда могли попасться с поличным случайные люди. Мой друг — член партии, начальник управления, комсомольский вожак — оставил у меня мотоцикл и позвал в магазин: пошли, мол, там можно всего набрать. Я, правда, не видел, чтобы он что-то взял. В толпе

Универмаг после погрома

говорили, что снимают тайно и потом будут выискивать виноватых и наказывать. Поэтому лично я ничего там не присвоил. Просто стоял и смотрел, как растаскивал магазин. При мне к магазину подошла бабушка с ребенком, посадила малыша у двери, а сама внутрь. А в это время кто-то со второго этажа скинул тяжелый ящик с нитками. Он рухнул недалеко от ребенка. Все возмутились. Женщина подобрала ребенка. В это время бабушка с консервами выходит. На нее набросились, начали лупить, консервы рассыпались. Позже снова приехали солдаты и всех разогнали. Убегавшим стреляли в спины. После чего на улицах дежурили вооруженные патрули, ездили грузовики с военными. Был введен комендантский час. Ночью передвигаться по улицам запретили. Молодежь из палаточного городка согнали на горку дружбы и устроили массовый обыск. Стройка встала на несколько дней. Объекты охранялись солдатами. В городе ходили слухи о том, что ограбили склад с взрывчатыми веществами и хотят взорвать доменную печь. Были слышны оружейные залпы, автоматные очереди. К небу поднимался дым пожарищ. Старожилы рассказывают, что после подавления бунта прошло несколько показательных судов. Заседания проводили в клубе строителей, который днем и ночью охранялся солдатами. В зал заходили по пропускам. Для народа снаружи установили громкоговорители. Кое-где появляется информация о том, что несколько человек приговорили к высшей мере. Однако документально это не подтверждается. В областном архиве мы нашли лишь одно уголовное дело – о погромщиках универмага. Есть также информация о том, что на следующий день после подавления беспорядков в Темиртау приехал секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев. Многие партийные чиновники и сотрудники милиции были уволены со службы или переведены в другие районы. Через несколько месяцев своего поста лишился первый секретарь ЦК компартии Казахстана Николай Белаяев.

Письмо матери

В деле о суде над пятеркой погромщиков есть письмо от матери одного из осужденных — Елены Савельевна Калиниченко:

«Уважаемый Судья! ...Мой сын в начале августа по призыву коммунистической партии и советского правительства добровольно изъявил желание самоотверженно трудиться на важнейших стройках и предприятиях в восточных и северных районах страны... И вдруг обрушилось несчастье! Вася! На мне сейчас лица нет за такой страх и стыд перед народом. Ведь ты пойми, Вася, в нашем роду нету и не было такого, чтобы кто-то сидел в тюрьме... И весь наш хутор этому не верит. Говорят, что это какая-то ошибка...»

Уважаемый судья! Я хочу, чтобы моего сына направили на верный путь, чтобы он был вместе с народом... и славился своим трудом, как он славился на Донбассе на строительстве новых шахт, где я дважды получала благодарность от директора. ... Направьте его обратно в колхоз, он очень любит сельское хозяйство и будет мне помогать...»

Анастасия Машнина

**Автор благодарит за помощь
Государственный архив Карагандинской
области и Краеведческий музей Темиртау.**